

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-49

Alanna Okun
THE CURSE OF THE BOYFRIEND SWEATER

Text Copyright © 2018 by Alanna Okun
Published by arrangement with Flatiron Books.
All rights reserved.

Окан, Аланна.

О-49 Проклятие свитера для бойфренда. Вязаные истории о жизни и о любви / Аланна Окан ; [пер. с англ. Л.В. Парнюк]. — Москва : Эксмо, 2019. — 272 с. — (Handmade life story. Книги о жизни и о любви).

АЛАННА ОКАН — писатель, редактор и мастер ручного вязания — создала необыкновенную книгу! Под ее остроумным, порой жестким, но самое главное, необычайно эмоциональным пером раскрываются жизненные истории, над которыми будет смеяться и плакать не только фанаты вязания. Вязание здесь — метафора жизни современной женщины, ее мыслей, страхов, любви и даже смерти. То, как она пишет о жизненных взлетах и падениях, в том числе о потерях, тревогах и творческих исканиях, не оставляет равнодушным никого. А в конечном итоге заставляет не только переосмыслить реальность, но и задуматься о том, чтобы взять в руки спицы. И узнать наконец, что такое «синдром второго носка» и чем грозит «проклятие свитера для бойфренда».

Смешная, причудливая и душераздирающая книга, которую вы захотите читать, перечитывать и поделиться ею со всеми своими лучшими друзьями.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродуцирована или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

HANDMADE LIFE STORY. КНИГИ О ЖИЗНИ И О ЛЮБВИ

Окан Аланна

ПРОКЛЯТИЕ СВИТЕРА ДЛЯ БОЙФРЕНДА

Вязаные истории о жизни и о любви

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*. Ответственный редактор *Ю. Драмышко*
Младший редактор *О. Лебедева*. Художественный редактор *В. Терещенко*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:

IR Stone, bioraven, MaKars / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;
Malombra76 / DigitalVision Vectors / Gettyimages.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зарье, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Нотариальный адрес: www.eksmo.ru. E-mail: info@eksmo.ru
Финансирование: «Эксмо» ИФЭ Восток, 123308, Москва, Рязань. Зарье шоссе, 1-й фл.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Нотариальный адрес: www.eksmo.ru. E-mail: info@eksmo.ru
Тулунд Бюлгеси «Эксмо»
Интернет-магазин: www.eksmo.ru
Интернет-магазин: www.bokov24.kz
Интернет-адрес: www.bokov24.kz
Импортер в Республике Казахстан ТОО «ИРД Алматы»
Казахстан Республикасының импорттаушы «ИРД Алматы» ЖШС.
Дистрибутор и продавец на прямую покупателям на территории
в Республике Казахстан ТОО «ИРД Алматы»
Казахстан Республикасының дистрибуторы және аяқпалайтын
мәлімәт алушы өкілі «ИРД Алматы» ЖШС.
Алматы қ., Демельер көшесі 3-ші, литер Е, кірме 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-50/91/92; E-mail: RDS.Altay@eksmo.kz
Финансирование: «Эксмо»
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Свидетельство о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте «Издательство «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Финансирование: «Эксмо» Сертификация издательств

EKSMO.RU
новинки издательства

Подписано в печать 15.03.2019. Формат 60x90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0. Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-096202-0

ISBN 978-5-04-096202-0

В электронном виде книга доступна на сайте
www.litres.ru

ЛитРес:
одна книга. два мира!

© Парнюк Л.В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«В создании вещей своими руками есть некая сила, особенно когда они сделаны только для вас. Это тихое на-кося-выкуси всем компаниям, продающим одежду, или журналам, или людям, которые заставляли вас чувствовать себя ущербными».

Аланна Окан

НАБИРАЯ ПЕТЛИ

Никогда не знаешь до конца, во что выльется проект, пока он не будет готов. Это относится ко многим вещам — книгам, рецептам, отношениям, а особенно — к вязанию.

Допустим, вы хотите связать шапку. Вот вы уже провязали пару сантиметров того, что предположительно будет полями шапки, но пока что это только *намек* на поля; поля не станут полями, пока они не связаны с шапкой. Эти поля могут с такой же легкостью превратиться в горловину свитера, если уж вы решите зайти так далеко и у вас хватит на это пряжи. А можно на этом закончить и оставить все прямо так, получив в итоге эластичную повязку для волос, как у девушек из рекламы средств для очищения кожи, где они омывают водой свои и без того идеальные лица. А может, вы решите, что вам нужна именно шапка, но только с резинкой до самой макушки или с косами, или совсем другого цвета, не такого, которым вы начали вязать.

Можно пахать, не разгибая спины, и закончить весь проект целиком еще до полудня, имея четкое представление о конечном результате, а можно отложить его в сторону на долгие месяцы и браться за него лишь время от времени, провязывая пару рядов под настроение. Можно начать вязать вещь в качестве подарка, а потом вдруг решить оставить ее себе, или наоборот. Можно вдруг обнаружить, что она совсем не похожа на первоначальную задумку — к своему разочарованию или восторгу. Или, как это часто случается, можно достичь точки безмятежной неопределенности и принять решение продолжать несмотря ни на что, даже если вы не уверены в конечном результате и даже если вы вовсе не представляете, что же в итоге выйдет, после того как вы вложили в свой труд столько времени и столько пряжи. Можно просто довериться начатой вещи, дать ей шанс раскрыться за пределами вашего контроля.

Мне всегда нравился контроль. Мне нравится обладать им, а еще мне нравится терять его в ограниченных количествах. Звучит как нечто из области БДСМ, но для меня это почти всегда срабатывает в рукоделии — взаимосвязь между созданием вещи именно такой, как мне хочется, и тем, что у меня в конечном итоге получится, даже если я буду вязать, допуская ошибки и отклонения. Я вяжу спицами, вяжу крючком, вышиваю, увлекаюсь любыми занятиями, связанными с нитками и пряжей. Я умудряюсь сочетать все это примерно столь же долго, сколько я существую на этой земле, мои увлечения всегда помогали мне пережить и осознать самые неконтро-

лируемые моменты существования человеческого существа — волнение, горе, разбитое сердце, полный восторг, ужасную скуку. Рукодельный проект дает мне возможность держать в своих руках нечто реальное, даже когда все вокруг проносится в суматошном вихре; он дает мне возможность взять на себя крошечные риски и решать крошечные проблемы и одерживать крошечные победы. Он напоминает мне, что есть еще и спокойные, умиротворенные участки нашего мозга, куда можно сбежать, когда все остальное напоминает зону боевых действий, и что можно, пусть даже на какой-то небольшой краткий срок, там укрыться. А еще: у вас будет пожизненный запас носков, связанных вручную.

Когда я беседую с людьми о рукоделии, девять раз из десяти, что они никогда не держали в руках спицы или не проводили кучу времени в магазине пряжи. Они ничего не знают о подсчете петель, им наплевать на контрольные образцы плотности, так же как и я понятия не имею, что такое «четвертый даун¹». Но нам обычно легко удается найти общий язык, некую точку соприкосновения, когда тот или иной человек произносит: «О! и ты тоже? А я думал, я один такой!»²

¹ Down — термин в американском футболе, даун, период игры с момента, когда мяч вводится в игру, до момента, когда мяч становится мертвым (dead ball). Команда нападения получает 4 попытки, для того чтобы пронести мяч на 10 ярдов. Если этого не произошло, мяч переходит к противнику. Как правило, это происходит после панта на 4-м дауне.

² Сплагиаченная версия моей любимой цитаты, приписываемой К. С. Льюису; у меня даже есть ее вышивка рядом с входной дверью.

Поэтому я считаю, что у большинства людей есть своя собственная версия вязания либо они тратят всю свою жизнь, чтобы найти ее — такое незаметное, но непрерывное движение, которое помогает им преобразовать вселенную и найти уголок для своей личности. Для моего папы — это рыбалка; для брата — музыка. Моя мама творит дома, а сестра творит произведения искусства из ненужных вещей. Кто-то из моих друзей рисует, кто-то бегают марафоны, кто-то делает интернет-мемы, а кто-то даже сидел рядом со мной на диване, пытаюсь продеть кончик спицы в петельку впервые в своей жизни.

Иногда, недели спустя, я получаю SMSку. Обычно это фото потрепанного, но вполне годного полотна, чуть больше, чем оно было в тот первый день, а количество дырок и ошибок все меньше с каждым новым рядом.

Гласит это сообщение в той или иной форме: «Понятия не имею, что это будет, но смотри!»

Я говорю им, что никто не имеет понятия, по крайней мере, пока что. Главное — начать, даже если это уродливо, даже если это трудно. Даже (и особенно) если вы из тех людей, кто привык, что все получается именно так, как хочется, кто считает, что наступит конец света, если вдруг одна петля окажется не на месте. Но что хорошо: конец света от этого не наступит, а даже если и так, то всегда можно распустить петли и начать все с самого начала.

ПЕРВЫЕ РЯДЫ

Любой, кто делает что-либо своими руками, должен обязательно сделать что-нибудь для малышей. Конечно, есть очевидные возражения: маленькие дети обязательно срыгнут на ту прекрасную вещь, над которой вы работали долгие месяцы. Они не оценят, как этот сизовато-серый цвет сочетается с горчично-желтым, независимо от того, насколько тщательно вы выбирали пряжу. Нельзя добавить миниатюрные пуговицы или крошечные помпончики, потому что малыши — супербезмозглые и считают, что все это — еда, да и в любом случае они перерастут что бы то ни было за пару недель. А еще: они воняют.

Но, несмотря на все это, я не могу припомнить лучшего способа, который напоминает, что жизнь может как прийти в этот мир, так и покинуть его.

К моменту окончания колледжа я вряд ли когда-либо держала малыша на руках, не говоря уже о том, чтобы сделать что-либо для какого-нибудь детеныша. Они казались такими чуждыми и далекими от меня, что не ду-

маю, что я представляла, с чего вообще начать... Это как связать рукавичку для пожарного гидранта...

На похоронах прабабушки моя двоюродная сестра попросила меня подержать ее малышку, пока она ходит в ванную комнату.³ Голова ребенка уткнулась в мое плечо, а я стояла, как вкопанная, в ужасе, что если я пошевелюсь, то наверняка что-нибудь ему сломаю. Когда ее мама вернулась, я была удивлена, что я совсем не почувствовала вес этого теплого маленького комочка, пусть даже полного соплей и слюней.

В следующем году я связала пару крошечных шапочек для новорожденных детей своих коллег по работе и друзей по хору; я начала, а потом забросила вязать детское одеяльце для семьи, которая жила с нами по соседству. (Этот малыш уже учится в десятом классе, а одеяльце все еще в два ряда шириной.) Но эти проекты были простыми, бездумными, не намного отличающимися от шарфов или от фетровых корзинок, которые я сделала, чтобы хранить мелочь для прачечной. Они не требовали от меня сузить или расширить мой кругозор. И вдруг я обнаружила, что вяжу довольно сложную кофту для малыша, который даже еще и не родился.

Я познакомилась со своей лучшей подругой Одой (и представляется она всегда одним долгим выдохом: «Привет-я-Ода-как-«Ода-к-радости⁴») тем самым ле-

³ Моя прабабушка мирно умерла в возрасте девяноста восьми лет, в ясном рассудке и с водительскими правами.

⁴ An die Freud (нем.) — ода, написанная в 1785 году Фридрихом Шиллером для дрезденской масонской ложи по просьбе его друга Христиана Готфрида Кернера.

том, когда мы обе окончили колледж. Я жила в Поукипси⁵ и даже и не подозревала, что в тридцати минутах езды, в маленьком городке со сказочным названием Аннандейл-на-Гудзоне,⁶ живет девушка, которая вскоре станет довольно значимой частью моей жизни.

Мы познакомились в Нью-Йорке, куда я переехала впервые, а она переехала вновь. С тех пор как мы познакомились, мы целыми днями чатились, а ночами писали друг другу SMSки. Мы спали вместе в одной кровати и ставили зубные щетки в один стакан. (Ода все еще называет свою щетку «гостевой зубной щеткой» — фу!) Мы познакомились с семьями друг друга: она присоединилась ко мне и моим родителям на пляже Род-Айленда в День памяти погибших в войнах, и в День независимости, и в День труда, а я ходила на их долгие роскошные ужины с ее мамой-француженкой и отцом — урожденным ньюйоркцем — в их таунхаусе в Бруклине.

Во время или после одного из таких ужинов Ода и ее мама попросили меня об одолжении: связать кофточку для малыша, который скоро родится у крестной Оды. Несмотря на свои опасения, я сказала: «Да, конечно, все, что угодно», — чтобы помочь этой семье, которая была так добра ко мне в этом до сих пор новом для меня городе.

Я переучивала Оду вязать столько, сколько мы знали друг друга, что сопровождалось отчаянной руганью с ее

⁵ Poughkeepsie (*пə'kɪpsɪ*:) — город, расположенный в округе Датчесс (штат Нью-Йорк, США).

⁶ Annandale-on-Hudso (англ.) — деревушка в округе Датчесс (штат Нью-Йорк, США).

стороны, и наш план был таков: я отвечаю за кофточку, а она свяжет подходящую шапочку. В свою очередь, ее мама оплатит стоимость пряжи, а Ода будет покупать мне много выпивки. Это был мой первый раз, когда я занималась рукоделием на почти коммерческой основе так близко к деньгам.

Мы съездили в магазин пряжи в нескольких остановках метро от дома родителей Оды. В свое первое лето в Нью-Йорке я жила у них дома целый месяц и так освоилась в этом почти пригородном районе, с его отдельными домиками, опрятными газонами, который, казалось бы, полностью контрастировал с суровыми многолюдными улицами остальной части города.

Выбор пряжи занял довольно много времени. Должна была родиться девочка, и мы отвергли все слишком слащавые пастельные цвета в пользу нежно-серого цвета, для акцента добавив клубок кремовой пряжи: для пушистого помпона (слишком большого, чтобы поместиться в любознательном ротике), для шапочки и для кружевных кромок для кофточки.

Как только мы вышли из магазина, я осознала, что понятия не имею, как делать эти самые кружева для кофточки, мало того, я понятия не имела, как вязать саму кофту. И хотя я вяжу практически с тех самых пор, как научилась читать, я привыкла делать вещи только для себя или для тел примерно моего размера. Есть определенные неизменные ритмы, вплетенные в шапки и носки, как я считала, вбитые намертво от десятков повторений. И забыть их я уже не могла.

Как прилежная студентка, я прошерстила интернет в поисках идеальной модели, но после того, как сохранила все закладки, скопировала и вернулась обратно к тому же, с чего начала, я осознала, что той самой единственной модели, которую я хотела бы связать, не существует в цифровом формате. И поэтому я купила настоящую, живую, физическую *книгу*.

Ее по праву называют «Альманах вязания⁷», это что-то вроде священного писания для вязальщиц; мне даже стало полустыдно, что у меня до сих пор ее не было. Написана она женщиной по имени Элизабет Циммерман,⁸ которая широко известна как прамактерь современного несуетливого вязания, и хотя она умерла почти два десятилетия тому назад, казалось, она прекрасно понимала все мои тревоги.

Там, где прочие схемы и инструкции четко определяли размеры и давали цифры, которые мне ни о чем не говорили, она просто писала: «Не беспокойтесь о размере — малыши бывают разные, а вязание растягивается».

И все же поначалу я сомневалась, что кофточка вообще когда-либо обретет форму, боялась, что, несмотря на точное следование рецепту, в результате у меня получится лишь запутанная бессмыслица. Мое понятие о масштабах было полностью сбито с толку. «Как голова может быть такой большой, а плечи — такими узкими? — размышляла я, провязывая рукавчик, такой крохотный, что

⁷ Knitter's Almanac — книга не переведена на русский язык.

⁸ Elizabeth Zimmerman — «бабушка американского вязания», автор книг, инструкций по вязанию.

даже мой кулак туда не пролез бы. — Как вообще человеческое существо может быть таким маленьким?» Я все больше склонялась к мысли, что мне придется начать все сначала, придется сказать Оде и ее маме: «Простите, я не успею вовремя к вечеринке по поводу рождения ребенка.⁹ Может, вместо этого просто подарить поздравительную открытку из магазина *Babies “R”Us*¹⁰?»

И все же, после пары недель вязания в метро и в барах в ожидании друзей кофточка стала походить на реальную вещь. Это одно из преимуществ вязания для крошечных человеческих существ: относительно быстрый результат. Прежде чем я смогла наглядно представить, что же я держу в руках, я уже начала представлять крошечные ручки в этих рукавах, пузатенький животик, улыбающиеся пухлые щечки. Я почувствовала некую маленькую, едва теплящуюся надежду, особенно при мысли, что человечка, для которого я вяжу, еще и в помине нет. Она была на подходе — вечеринка уже запланирована, подарки к ее рождению уже выбраны, — но только еще недосыгаема.

Мне было незнакомо это чувство ожидания жизни. Я знала только обратную сторону — ощущение жизни, которая внезапно была разорвана и бесчувственно выкинута прочь. Через год после окончания колледжа умерли двое моих друзей, оба в возрасте двадцати двух лет: Марина — в автомобильной аварии, и Джейми — от лейкемии.

⁹ Вечеринка за 3–4 недели до рождения ребенка, на которой обычно будущей маме дарят подарки.

¹⁰ Американская компания, специализирующаяся на розничной торговле игрушками, одеждой и другими товарами для детей.

Значимость и изначальность их жизней никак не вяжутся с фактом их смерти.

Я познакомилась с Мариной дважды. Сначала — на первом курсе колледжа, когда мы обе выиграли литературный конкурс на лучшее сочинение. Она ворвалась на церемонию награждения — струящиеся длинные волосы, звяканье множества браслетов.

Я подумала, что ее слишком много. Слишком шумная, слишком порывистая, слишком такая, какой я тайно хотела быть, но вместо этого написала такие слова, как «шумная» и «порывистая». А потом, на следующее лето, ее «слишкости» оказалось ровно столько, сколько нужно.

Я жила в Нью-Йорке в первый раз, снимала комнату в квартире на цокольном этаже и проходила стажировку в журнале. В мой первый день именно Марина оказалась тем самым человеком, который проходил мимо стеклянной двери в офис и впустил меня внутрь. Я не помню, было ли вплетено перо в ее волосы в тот день или оно появилось позже, так рискованно раскачиваясь совсем близко от ее безглутенового соевого соуса, когда мы поглощали ролл за роллом и суши в кафетерии, но прекрасно помню тот живой открытый взгляд узнавания, когда она впервые заметила меня. Она любила совпадения (здесь проходила стажировку еще одна практикантка, которая, как оказалось, встречалась несколько лет с моим бывшим парнем из старших классов, и это была тема, которая Марине никогда не надоедала), и я думаю, что ей нравилось иметь приятельницу, кого-то, кому можно отправить SMSку, когда она расстроена или

взволнована чем-нибудь по работе, с кем можно поговорить о любви и о том, какого черта мы будем делать, когда закончим учебу в следующем году.

И мне нравилось иметь такую приятельницу. Я знала, пусть еще и не осознанно, что хочу быть писателем, хочу жить в таком мире, в который и она, и я заглянули всего лишь на лето. И хотя мы были одного возраста и вряд ли Марина понимала в этом больше, чем я, именно она была тем человеком, благодаря которому все казалось возможным. Она искренне, всем сердцем верила, что мы можем и даже должны вести творческую жизнь и делать то, что нам небезразлично, и во всем этом есть смысл: и в писательстве, и в исполнении желаний, и в выражении чувств во всеуслышание, и не нужно бояться ошибиться и начать все заново. Она была настолько чрезвычайно, настолько безоговорочно и беззастенчиво *сама собой*, что даже оказаться с ней в одной компании помогало мне почувствовать свою индивидуальность.

Я переписывалась с ней осенью в наш последний год обучения, за девять месяцев до того, как ее машина врезалась в ограждение на скоростном шоссе, про статью, которую она написала для газеты в колледже; я видела, что она поделилась ей в *Facebook*. Речь шла о принятии решения и принятии выбора дальнейшей карьеры после окончания обучения — о чем мы болтали с ней все лето, — и это никак не выходило у меня из головы.

Она ответила: «Очевидно, что мы будем жить одной и той же жизнью всегда, так что увидимся на следующей работе».